

Ленинградская правда
45 ФЕВ 1974

ПЕРЕД звонком в первый класс «А» зашла Вера Максимовна Бочарникова, директор 209-й школы, и спросила, что же ей делать. Пишут письма и звонят из разных городов, просят разрешения приехать и побывать хоть на одном уроке.

Учитель развел руками — а

— Можем мы судить о размерах козы?
— Нет, — сказали дети.
— А о том, какого она цвета?
— Черная!
— Белая!
— Рыжая!
— Нормальная, — сказал современный мальчик.

симфонии Чайковского на тему «Попадался журавель...». Два пианиста: одному без малого семьдесят, другому семь с небольшим. Учитель вел тему, Катя аккомпанировала двумя своими нотками. Ее было слышно очень хорошо, без нее не было бы музыки. Катя жила в музыке в этот момент, и — я утверждаю — между тем чувством, которое она испытывала, и тем чувством, которое испытывает Святослав Рихтер, когда он играет на концерте, никакой разницы нет, не может быть.

Но как этого добиться? Не превращать музыку в очередную «предмет», музыка не «предмет», а искусство, она и должна оставаться искусством и в школе. Начиная уроки, Кабалевский поставил перед собой задачу: «Заинтересовать, увлечь школьников музыкой как живым искусством. Это, пишет он, «основополагающий вопрос музыкальных занятий».

Можно добавить: и не только музыкальных.

Стоит это понять, как опре-

дит с этой мыслью к перво-класскам — и поразительный эффект!

С первого же урока, слушая в записи или в исполнении учителя почти любую по сложности музыку, дети слышат в ней то песню, то марш, то танец. Они способны различить в музыке какие-то образования, отличать одну музыку от другой, они способны думать над музыкой! И не просто музыкальные картинки представлять себе («Вот, дети, буря, а вот тихое утро») — а сразу в проблемы жанра, сразу в чисто музыкальное, а не литературное в музыке! Они могут даже поспорить между собой, что же они слышали: танец или марш? Или, может быть, танец-песню-марш? «Сколько «китов» в этой музыке?» — спрашивает учитель, и дети, почти не затрудняясь, отвечают: «Два! Три!»

«Три кита» пробивают брешь в стене, отгораживающей ребенка от сложной музыки. Для ребенка нет теперь музыки «школьной» и «взрослой»: во всякой музыке, которую он слышит по радио, телевидению, на улице, он различает знакомые очертания одного из «китов», ко всякой музыке прислушивается с интересом, радуется своему узнаванию.

Почти как фокус. Но «три кита» не фокус. Они отражают глубокую связь музыки с жизнью.

Пройдет время, дети поднимутся от фундамента до верхних этажей музыки. Будет и хорошее пение, и развитие слуха, и музыкальная грамота, и слушание серьезной музыки — но все объединит простая и доступная идея. От песни — к песенности, от танца — к танцевальности: к сложным музыкальным представлениям.

Но этого мало. Простые три слова, «три кита», выводят нас и к сердцевине современной педагогики.

Вот что становится понятным на уроке Кабалевского (хотя мысль эта высказывалась в педагогике и

прежде): нельзя взять некую науку, упростить ее, сократить, приспособить для детей, и в таком виде преподавать. Нужно создать нечто новое, особое, отличное от «взрослой» науки. Не упрощенное взрослое, не усушенная копия — мумия живой науки, а нечто такое же, как наука, живое, но доступное детям. От детских представлений к взрослой науке должны быть построены мостки, и эти мостки надо изобретать для каждой науки особо.

И вот на уроке Кабалевского сидит известный художник, размышляет: а нельзя ли и в преподавании изобразительных искусств отказаться от шаблонов и найти «мостки», связывающие искусство с жизнью и детей — с искусством?

А, может быть, и литературоведы найдут нечто подобное для уроков литературы?

И физики — для преподавания физики?

...После урока музыки был урок русского языка. Знакомые нам ребята учились теперь соединять заглавное «В» с «а». Урок вела прекрасная учительница. Класс работал ничуть не хуже, чем на уроке музыки, даже, пожалуй, лучше: обстановка привычнее, и учительница опычнее.

Но отчего после урока музыки можно было подробно рассказать о характерах почти каждого из детей, а на уроке русского языка перед посетителем — просто хороший класс, в котором трудно кого-нибудь заметить?

И отчего на одном уроке ребята слушают Бетховена и рассуждают о музыкальном портрете, а на другом разбирают фразу «Вася и Коля гуляли»?

Скажут: одно дело — поговорить о музыке, другое — учиться тщательно писать. Верно. Все верно. Но нельзя ли и для урока русского языка придумать что-то такое, чтобы сорок ребят могли проявить себя?

Вот что становится понятным на уроке Кабалевского (хотя мысль эта высказывалась в педагогике и

историю преподавать невозможно. Просится психолог — изучать детское восприятие музыки. Телевизионщики хотят снимать и из кино хотят...

А что снимать? Не спектакль, не какое-то выдающееся событие — просто урок. Не сенсация привлекает всех: «Кабалевский в школе!» — а именно то, как Кабалевский работает в школе. В этом — предвестие будущего. Урок есть искусство, его и надо возводить на уровень искусства. Вызывают уроки более интересные, чем любой спектакль в любом театре, — напряженные, красивые, драматургически выстроенные. В педагогике не принято говорить о драматургии урока, а жаль: в хорошем уроке есть завязка, кульминация, развязка, движение сюжетных линий, текст и подтекст. Давно идут споры, что же такое педагогика: наука или искусство? В последнее время стали говорить: наука и искусство.

Нет, педагогика — наука, строгая наука об искусстве воспитания и обучения. И можно представить себе, что когда-нибудь педагогическое искусство, искусство урока в частности, будет пениться так же высоко и тонко, как, скажем, поэзия. Школьный урок будут показывать вечером по первой программе, а потом обсуждать и разбирать в газетах, как разбирают премьеры театров и телестудий. Прекрасный учитель будет известен не меньше, чем хороший артист. Учителей слишком много? Но ведь и поэтов, например, не меньше. Некоторых из них печатают, из печатающихся некоторые известны; из тех, кто известен, некоторые поэты. Они влияют на развитие поэзии. Так и в учительском мире.

...Я спросил у первоклассников, как нравятся им уроки музыки.

— Нравятся!
— Здорово!
— Интересно!
— Нормально, — сказал современный мальчик.

С. СОЛОВЕИЧИК.

УРОК КАБАЛЕВСКОГО

что делать? Ну попросите немножко подождать...

Он отчаянно волновался, учитель. Он сел за рояль, поставил руки на клавиши, как оркестрант, который боится пропустить момент вступления, и не спускал глаз с дверей. Прозвенел звонок, дети появились в дверях, учитель начал играть.

Урок переливался, как ручей. Занятия сменялись легко и непринужденно.

Обсуждали песенку «Дон, дон, дон, загорелся кошачий дом». Какое настроение у тех, кто сообщает о пожаре?

— Беспокойное!
— Суматошное!
— Грустное!
— Нормальное, — сказал один весьма современный мальчик.

Потом спели эти строчки. Спели второй раз и третий. На третий раз, при словах «кошка выскочила, глаза выпучила», все в классе почувствовали волнение — так хорошо спели!

Не стоит преувеличивать: на целом уроке только один миг был такой, одно мгновение — высокого искусства. Но ради этого мига, чтобы пережить его ребята, душу дьяволу заложить.

Потом слушали и разбирали музыкальный портрет мамы-козы из оперы М. Ковалы «Волк и семеро козлят».

Другой поднял руку, встал и сделал следующее научное сообщение:

— Козы, — сказал он, — бывают разноцветные. Мама-коза, наверно, черного цвета, потому что все козы черные. Это восхитительное «потому что» помогло выяснить, что о маме мамы-козы, прослушав музыку, ничего сказать нельзя, как и о размерах. Что же может музыка передать?

Встала девочка и просто, как об обычном деле, сказала, что музыкальный портрет передает характер, и все с этим согласились.

Напомню, что урок идет в первом классе.

Потом учитель предложил: — Поиграем в четыре руки. — и вызвал мальчика.

По классу прошел легкий шум; класс был озабочен.

Выяснилось, что сегодня очередь Кати. Все уже играли с учителем в четыре руки, одна Катя не играла.

Справедливость была восстановлена: к роялю вызвали Катю — две кошечки, два круглых глаза, а есть ли метр роста, не знаю.

Нет, Катя не вышла и не выбежала. Ее вознесло к роялю.

Учитель показал ей две ноты, которые она должна была брать, и так учитель и Катя сыграли в четыре руки переложение отрывка из Второй

Читатель, верно, уже по заголовку догадался, что учитель Кати, учитель первого «А» — известный наш композитор Дмитрий Борисович Кабалевский. С начала нынешнего учебного года он работает обыкновенным преподавателем в обыкновенной средней школе.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ член Академии педагогических наук СССР, профессор консерватории, пришел к первоклассникам с делом.

Врачи, мы знаем, часто испытывают новые лекарства на себе. Но разве педагогический не должен проверять свои идеи лично, в классе? Новые идеи бывают так же коварны, как и лекарства.

Быть может, не всем известно, что уроки пения в школе официально переименованы в «уроки музыки». Переименованы! Но надо их еще преобразовать в уроки музыки. Надо, как пишет Д. Б. Кабалевский в «Учительской газете» (5 января нынешнего года), «завести учащихся в мир большого музыкального искусства, научить их любить и понимать музыку...»

С первых уроков в первом классе дети должны окунуться в большую музыку. Но как это сделать?

С первых уроков испытывать наслаждение от музыки.

делается путь поисков.

Степень интереса зависит от степени духовной активности учеников. Собственно говоря, интерес — это и есть духовная активность. Первоклассник может слушать музыку, не двигаясь, как взрослый в концертном зале. Но, как и взрослый, он должен быть активен, духовно активен в этой недвижности, он должен в уме и в сердце что-то делать с музыкой.

Остается найти нечто такое, что позволяло бы даже семилетнему мальчику слушать музыку активно, то есть что-то делая с ней в душе.

Кабалевский начал поиски в 1935 году в Артеке, беседуя с ребятами о музыке, и продолжал их почти сорок лет, пока не нашел три простых слова.

ТРИ СЛОВА. «три кита»...

Честно признаюсь: с первого взгляда идея показалась мне бедной и неинтересной.

Верно: почти вся музыка основана на песне, танце и марше. Кто этого не знает? Что тут нового? Что это дает мне, слушателю? Разве, слушая симфонию Прокофьева, я выделяю в уме: вот песенное... вот танец... вот что-то вроде марша? А если и выделяю — обогащает ли это меня?

Но вот Кабалевский прихо-